

НАТАЛИЯ ЛАФИЦКАЯ

ТАНЦЫ
НА
СЛОМАННЫХ
НОГАХ

СБОРНИК
СОЧИНЕНИЙ

Наталия Лафицкая

Танцы на сломанных ногах

«Реноме»

2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Лафицкая Н. В.

Танцы на сломанных ногах / Н. В. Лафицкая — «Реноме», 2019

ISBN 978-5-00125-216-0

Красочно иллюстрированная книга Н. В. Лафицкой, профессора, журналиста, психолога и художника из известной московской семьи, написана невероятно сочным саркастичным языком и посвящается всем тем, кто испытал горечь и боль утраты, но встал и «пошел дальше жить».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00125-216-0

© Лафицкая Н. В., 2019
© Реноме, 2019

Содержание

Баба Фима и другие	6
Баба Фима и зеркало	7
Баба Фима и мотоцикл	10
Баба Фима и МРТ	12
«Мадам, Ваши глаза как люстры»	15
«Мадам, на Вас уже треснула юбка»	18
«Мадам, Вы как Картина Рёмарка»	20
«Пардоньте, мадам»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Наталия Владимировна Лафицкая
Танцы на сломанных ногах
Сборник сочинений

*Мой ловец стрекоз,
как далеко ты нынче забежал.*

Тиё Фукуда

*Книга посвящается всем тем, кто испытал горечь и боль утраты,
кто встал и пошел дальше жить.*

*Благодарю друзей моих, Катю Урусову и Рому Жеребова, которые поддержали создание
моей книги не только финансово, но и морально.*

Баба Фима и другие

Баба Фима и зеркало

Баба Фима смотрела на зеркало и вздыхала. Один раз вздыхала с удовольствием, другой – нет. С удовольствием она вздыхала при взгляде на свое отражение, без удовольствия – когда смотрела на кривоватые ноги своего мужа Савелия, державшего зеркало. Зеркало было очень красивое, в литой чугунной оправе с вензелями, размером 6 на 7 метров. По семейной версии, когда-то оно украшало потолок одного из соборов Италии. В этот собор много десятилетий назад прекрасным знойным утром прибыла прабабка бабы Фимы Агафья.

Прабабка Агафья была интересная женщина, с норовом, с характером, с профилем, фигурой и деньгами. А какой у прабабки Агафьи был глаз! А нос, а бровь, а прядь! А как прабабка Агафья шла! Бровь подымет, нос задерет, прядь поправит и вперед. Ну, если надо, конечно, то и назад могла. В жизни такого увидеть определенно было нельзя, только если очень повезет, ну, или если туман. Иным везло. Вот, например, католическому священнику из Каталонии повезло. Он, как только ее увидел, сан бросил, сутану сдернул, воротник выкинул, не знаю, для чего разулся, сорвал зеркало с потолка и бросил его под ноги прабабке. Затем кинулся ей в ноги сам. Но любовная интрига закончилась плачевно, потому что не началась. К тому же подаренное священником зеркало его же и придавило. Потому что зеркало падало медленно, а священник бежал быстро. Надо сказать, что раньше священник был не священник, а атлет-тяжеловес. И работал он в бродячем цирке. Но работал плохо, тяжести поднимал не вдохновенно и был весь какой-то ленивый. Поэтому его из цирка выгнали. И он пошел в церковь. Сначала-то он просто названия перепутал, да и разобраться было мудрено, ну, уж потом прижился и стал священником.

Прабабка Агафья под зеркалом не увидела воздыхателя. Рассказывали, что искала до рассвета, до первых петухов. Нашла Вяя, которого за ненужностью прибила маленько и выбросила. Затем, гордо подняв свой профиль, прошла по зеркалу. И от любви ничего не осталось. Она потом говорила, что вроде что-то не то икнуло, не то шелкнуло. Но она решила, что это у нее в животе. И уж только когда зеркало приволокли в Россию и стали обтирать, удивляясь, почему сзади так грязно, прабабка Агафья догадалась, что, может, это и есть ее итальянская

любовь. «Мурань какая-то», – сказала она. Она всегда говорила «мурань», когда ругалась. С тех пор итальянское стекло называют мурановским.

Зеркало с вензелями живет теперь в доме у бабы Фимы и отражает ее прекраснейшие стати. Иногда дед Савелий, желая сделать свое жене комплимент, а то и вовсе приятное, берет его в руки и норовит бабе Фиме ее отражение показать. Это бабе Фиме нравится, ей не нравятся кривоватые ноги деда Савелия, но с этим уже ничего не поделаешь.

Баба Фима и мотоцикл

Ехала баба Фима на мотоцикле и ворон считала. Когда сбивалась, то ругалась и назад возвращалась. Не любила она это дело, возвращаться чтоб. А что делать? Нельзя ведь так. Кругов иногда по 300 наверстывала. Хорошо, что у бабы Фимы головокружений нет, с наружностью порядок и обладает она здоровьем выраженным и семейным. Здоровье она ценила, любила и уважала. Строго всегда так спрашивает: «Здоровьице как? Не подводит?»

Сама баба Фима никого и никогда не подводила. Если только слабозрячих до аптеки или мимо, или если шатается кто. Последних шибко не любила. «Не пойму, – говорит, – шатун, что ль, какой?» – снайперскую винтовку цап – и в прицел. Смотрит, значит, определяет. Многих от шатанья вылечила. Кто пил – тот трезвым стал, кто бездельничал – на заработки в город подался и там, с опаской и осторожностью, по сторонам глядит: вдруг баба Фима мимо на мотоцикле едет или даже с винтовкой. Ну, а медведь, тот и подавно в нашу деревню не ходит. Лет этак с десяти. Бабы Фиминых, конечно.

Красивая баба Фима женщина, с происхождением, корнями, ну и со здоровьем. Дед Савелий тоже мужчина красивый, со здоровьем, винтовками, кривыми ногами и мотоциклом. И щедрый, потому что всем того же желал. Здоровья особенно. «Будь, – говорит, – здоров, не парься». Почему он париться не велел, не знаю.

В деревне Ядогрибово народ бани имел и париться умел. Анита, например, баню так обожает просто. Бывало, к бане подбежит, обнимет ее и вся дрожит от красоты, радости и здоровья. Искры с бревнами разлетаются, народ кто бежит, кто ползает. Руками машут, всплескивают. Аниту, значит, приветствуют. А что ж ее не приветствовать, раз Анита здоровая была.

Семейное у них это, фамильное. Аниту баба Фима любила. И за здоровье, и за то, что она ее внучка. Ну, и за красоту, конечно. Анита тоже на мотоцикле ездил, но не ворон считала, а белок. Расшалится, бывало, разгонится, на верхушки въедет и давай белок считать. А чего не считать, когда они врассыпную. Баба Фима Аниту хвалила и всячески поддерживала. Иногда словом, иногда рукой, особенно высоко когда и ветер сильный. Ну, или когда град со снегом. А мы до сих пор думаем, почему дед Савелий париться не велит.

Баба Фима и МРТ

У бабы Фимы был поклонник. Поклонник был немец, но баба Фима этому не верила и считала его финном. Его немецкий казался ей финским или, упаси господи, финно-угорским. Тут с бабой Фимой было не поспорить, потому что она была полиглот. И в плане языков (много знала, все почти языки народов мира), и в плане чего покушать. Могла под песню, под пляски, после бани, с мочеными яблоками и брусникой жареного барашка изысканнейшим образом слопать. Конечно, если в гостях кто или просто на огонек зашел, то тогда барашков было несколько. Не последний же кусок отдавать. Неприлично это.

Так вот, поклонник этот, не то немец, не то финн, что-то там продавал, доставал, выменивал. Сначала, говорили, он менял Рейн на Скалбу, потом «Мерседес» на «Таврию», потом торговал китайскими пищевыми добавками, думая, что это корм для осетровых рыб, потом торговал самоцветами с Марса, потом менял иностранных агентов друг на друга, потом отправлял людей в космос, за что, по прибытии ими на землю, был сильно ими же и бит. Попал в больницу и понял, что он врач. И все ему подвластно. И стал он приборы разные закупать и людей врачевать.

В целом он был мужчина осанистый, видный, где-то блондин, с голубыми глазами и приятным подшерстком по всему телу цвета бурелома. На эти-то вещи у бабы Фимы всегда была чувствительность. К нам в деревню Ядогрибово он попал, когда детали для аппарата МРТ в наших лесах изыскивал. А что не изыскать, раз военные базы рядом. А в это время баба Фима рок-дайвингом занималась, то есть со скалы прыгала. Иногда в озерцо, иногда мимо. Как ей больше нравилось, так и прыгала. Увидев эти спортивные экзерсисы, Ганс (мы потом узнали, как его зовут) замер, к земле припав. Он сперва решил, что началось извержение вулкана. Глупый все-таки немец человек. Ну, какие вулканы в Ядогрибово? Если только совсем чуть-чуть.

Баллов, может, в 7–8. Иногда, конечно, бывает и 12. Но редко, не чаще раза в год. Потому что уж Ганс разобрался, в чем дело, когда бабу Фиму вблизи увидал. Он когда ее увидал, решил, что умом тронулся, и она есть его галлюцинация по имени Геката. Но баба Фима его разубедила своей мягкосердечностью, женственностью и небывалым разворотом левого плеча. Он ей сказал «спасибо», поклонился и так стал ее поклонником. И всякий раз, когда баба Фима на него свою руку клала (выделяла, значит), он кланялся. Злые языки, конечно, говорили, сгибался. Нет в людях великодушия, деликатности нет.

И захотел Ганс сделать бабе Фиме приятное, а заодно узнать, что у нее внутри. Он до конца не верил, что она человек. Женщина, то есть. И повел он ее делать МРТ. А чего не пове- сти, если платить за исследование не надо. Потому что Ганс сам аппарат медцентру приволок и сам на нем людей исследовал.

Бабе Фиме приятно было такое внимание и забота, и всю дорогу до областного медцен- тра, где работал добытый Гансом аппарат, она приветливо Гансу улыбалась и маленько с ним

заигрывала. Ганс кривился, скалил зубы, ерзал, охал и вскрикивал, и говорил, что ему совсем не больно.

Но прекрасным этим отношениям не удалось развиваться в любовь вечную, эти два чистых человека (очень часто они в бане мылись) так и не смогли узнать друг друга ближе, срастись, так сказать, душами. Потому что вначале, перед процедурой, под бабой Фимой сломались весы, когда проломился пол. А когда она в трубу для МРТ полезла, чтобы все внимание и заботу от Ганса до конца получить, то труба по всем направлениям треснула и горкой осыпалась. Баба Фима не поняла, в чем дело, и осерчала. Но серчать было не на кого, кто-то вместе с полом сгинул, а кто выжил, тот сбег, потому что здание медцентра сломалось тоже. Позвонила тогда баба Фима Аните. Анита быстро приехала, а чего ей быстро не приехать, если у нее вертолет военный. Ми-26 называется. И полетели они в Ядогрибово рок-дайвингом заниматься и о поклонниках сожалеть. Во время прыжков, конечно. Ну, или когда банька.

«Мадам, Ваши глаза как люстры»

Аните спалось. Ибо сон – это хорошо, а вот бессонница – это плохо. Вот Аните и спалось. Ну, и правильно, скажете вы. Но Анита знала это и без вас. Она была девушка умная, правильная, аккуратная, чисто плотная и просто плотная. А что, собственно? Почему бы ей не быть плотной? Красота виднее, когда ее больше. Вдруг у кого зрение слабое или, упаси бог, подслеповатый кто... У кого-то может не быть денег на очки или лупу, кто-то может окуляры дома забыть, а кто-то и в драке разбить. Всяко бывает. Вот тут-то и нужна красота видимая и плотная.

Анита успехи имела, ценила и любила. И к своему успеху относилась аккуратно. Все успехи записывала, сортировала, нумеровала и складировала. А почему, собственно, нет? У меня соседка, Лизуня из 21 квартиры, собирает варенье. Самый, с ее точки зрения, ценный экземпляр датирован 1998 годом. Лизуня с него боится пыль стирать, так он ей дорог. И все домашние Лизуни от этой пыли чихают. Лизуня просит их чихать на банку с вареньем, вдруг пыль слетит. А Таня из муниципалитета коллекционирует прыщи. У нее тоже система есть. Она прыщи маркирует зеленкой, йодом и фукорцином. Новый экспонат – йод, средних лет – фукорцин, антиквариат – зеленка. И ни разу не сбилась. Мы спорили. Два месяца наблюдали. Я проиграла, и пришлось мне всем покупать кофе. Хорошо, деньги были. Удачная случилась тогда неделя, было трое похорон. Ну, я и пела. Сначала грустное, после, конечно, всякое. В основном за всякое платят. Это моя коллекция. Люблю я это дело, душевно. Ну, и прибыльно, конечно.

А Жорка, тот почему-то любит женские трусы. У кого мог, у всех спер. У меня, у своей матери, у сестры, у ее подруг, у тетки Клавы, у участкового терапевта Аделаиды Кузьминичны, у продавщицы из сельпо. В его коллекцию пара мужских экземпляров попала, но Жорку это не смущает. Говорит, у него разнообразие и спектр. Ему виднее, его же спектр.

А Анита собирала успехи. Хороший успех был в декабре, когда она упала на мужчину с яйцами. Не в смысле его анатомических характеристик. О приличном пишу. Просто он купил четыре десятка яиц. На Аните в тот день были каблуки, ну, лед, вечер, толчея, туда-сюда. Да и Анита плотная. Короче, они встретились, столкнулись, упали. Яйца всмятку, у мужика три ребра в крошку, Анита не помялась. Только долго встать не могла. Я-то подозреваю, не хотела. Очень, говорила, у него парфюм приятный. Так вот этот мужик все стонал, матом хри-

пел и Аниту кобылой паскудной обзывал. Аните этот успех очень понравился. Хороший успех был у нее в марте. В муниципалитете отмечали женский день. Отмечали хорошо, с размахом. Пили, ели, плясали, фокусы показывали. Анита предлагала желающим голову между ее грудей засунуть, чтобы изменить им форму головы. У нее хорошо получалось. Желающие от нее отскакивали, как огурцы: продолговатые и зеленоватые. Кто-то, понятно, в больницу попал. Может, скушал некачественное. А руководитель муниципалитета, мужчина круглый, осанистый и дебелий, глаза вытарашил, отдышался, в себя минут через сорок пришел (дольше всех в ее грудях продержался) и говорит: «Не женщина, баба». Мы поняли, о чем он. О приспособлении, которым старые дома разбивают. Чугунная такая штука.

Но самый любимый успех у Аниты был летом, в июле. Она тогда наехала колесом на ногу постового. Он сначала хотел что-то сказать, а может, и сделать, что хотел, но когда Аниту увидел, то обомлел весь, покраснел и прошептал: «Мадам, Ваши глаза как люстры». Анита с ним потом дружила и в шутки играла. Все старалась на ногу колесом наехать. Но у постового был уже протез, и ничего ему было не страшно.

«Мадам, на Вас уже треснула юбка»

Большое, конечно, безобразие, что много стандартов. Индивидуальность ужалась, зажалась, скорчилась, а кое-где и вовсе исчезла. Обидно. Мне обидно, обидно Лизуне из 21 квартиры, Жорка тоже не рад. А Таня из муниципалитета так просто страдает. У нее прыщи по всей фигуре. Или, если по-приятному, комедоны и акне. А народ любит кожу. Если и не буйволовую (не всякий может ее достать), то любую другую: у того денег нет, другой грамотой не вышел, а мой сосед по даче, Леха, у них три дома на участке и все гнилые, так он вовсе зеленый. И по убеждению, и по состоянию души, и цветом лица и тела. Пьет много. Он природу хочет сберечь для потомков. Своих нет. Не произошли. Зато других много, и им всем природа нужна. Они, его знакомые потомки, потому самогон и гонят, что это питье экологическое. Так Леха даже мух не бьет, а буйволов и подавно. Он их любит, разговаривает с ними. Идешь, бывало, мимо и слышишь из-за забора: «А скажите-ка мне, друг буйвол...»

Так вот, если буйволовой нет (кожи, конечно), то своя должна быть красивой и ухоженной. Или другое, например. Фигура. Тонкая должна быть и звонкая. Звонкая, потому что кости при ходьбе стучат, и, чтобы звук этот заглушить, тонкие девушки носят много браслетов, бус и громко поют. Веселые тонкие звонкие девушки. А Анита не такая. В смысле, не тонкая. Она веселая, шутки любит. И кожа у нее очень хорошая. На днях расшутилась с руководителем муниципалитета. Он мужчина круглый, осанистый и дебелий. Он ее минут двадцать пытался, прошу прощения, за ягодицу ущипнуть (Анита уж ожидать устала), отчаялся и подшлепнул ее. Руку маленько отбил и от боли начал пританцовывать. Мы не поняли, что за танец такой, но тоже стали плясать, а Митюня, юрист наш, тот песни запел и лягушку изображать начал. Так вот, руководителя муниципалитета за старательность и ловкость Анита на шкаф посадила и на коленки ему сейф приладила, чтоб не упал. Руководитель муниципалитета, конечно. Все этой шутке долго смеялись, особенно сотрудники МЧС. Их вызвали, чтобы руководителя снять. Анита отказалась снимать, сказала, что два раза одну шутку шутить нельзя, что это моветон даже. А потом смеялся руководитель муниципалитета. Когда узнал, сколько денег платить надо. И Анита смеялась. Так, смеясь, и пошла к выходу. А один сотрудник МЧС пытался обойти Аниту, чтобы входную дверь ей открыть, и все время маленько стеной травмировался. Он так смеялся, что с трудом проговорил: «Мадам, на Вас уже треснула юбка». Но дверь все-таки открыл.

«Мадам, Вы как Картина Рёмарка»

Очень Аните нравилось, как называл ее начальник охраны муниципалитета: «Картина Рёмарка». Ударение он делал на первом слоге, и вообще голос у него был басовитый. Голосом он напоминал Аните нашего пастуха в деревне, дядю Васю Рябого. Рябой его фамилия, какая у него кожа, мы не знали, дядя Вася Рябой не мылся. И нас учил: «От воды и чистотности – одни беды и болезнетворности». И ведь прав был. Соседка Лизуни из 21-й квартиры из нашей деревни с названием Ядогрибово, баба Фима, крепкая, голосистая, заметная и чисто плотная, пошла белье в озерце постирать. Почему – понятно. Обладала баба Фима двумя стиральными машинами. Одну «Бош» ей подарили сын с невесткой, а другую «Бош» – дочка с зятем. Но баба Фима «Бошами» не пользовалась, а включала их вместо музыкального центра. Нас приглашала. Красиво играло. Как Бах. Бахало часто и громко. Мы прям вздрагивали иной раз. Сами понимаете, в музыкальном центре стирать не будешь. Вот баба Фима и ходила на озерцо. А баба Фима видит не как снайпер. Понятно, что у нее снайперских винтовок, по ее словам, было штук 7–9. Но тут она скромничала, штук 15, не меньше. И в пятак баба Фима с расстояния 5 км попадала не целясь. Ну, а белку, что тут говорить, в прыжке за хвост ловила. Белок по сто могла за полчаса набрать.

И вот раз белье полощет, песни орет (это она поет так, у них это семейное), дядя Вася Рябой ей отвечает. И замечталась баба Фима, и задумалась. Может, молодость вспомнила, а может, соображала, как раму починять, которую вчера дядя Вася Рябой повредил, когда ночью из ее окна вылезил. Потому что через дверь нельзя. На пороге спит муж бабы Фимы, дед Савелий. А он злющий очень и большой.

И вот мечтает себе баба Фима, думает. Смотрит: плывет карасик. Баба Фима его за хвост цап, она так с малолетства делала, лет так с 18, а это не карасик был, а сом. Да здоровущий. Метров девять. Это если не считать головы и хвоста. Вот он и давай бабу Фиму за собой таскать. И вглубь, и кругами, и выпрыгивал, и нырял, и в омут головой. Ничего сделать не может. Баба Фима рук не разжимает. Ей не сложно, она ударом кулака левой руки быка валила, ну, а правой так и двух; ее потом, когда быки видели, блеять начинали и врассыпную бросались. А тут сом какой-то. Измаялся сом и говорит ей: «Бабушка Фима, я золотая рыбка. Проси, что хочешь, и выпускай меня на волю». Баба Фима и говорит: «А я-то думаю, что за карасик такой неправильный? Раз все можешь, становись карасиком». А что делать сому? Пообещал. Превратился в карася. Потрепала его маленько баба Фима и отпустила. Поворачивается к белью, а его нет. Вот вам и вред от воды и чистотности.

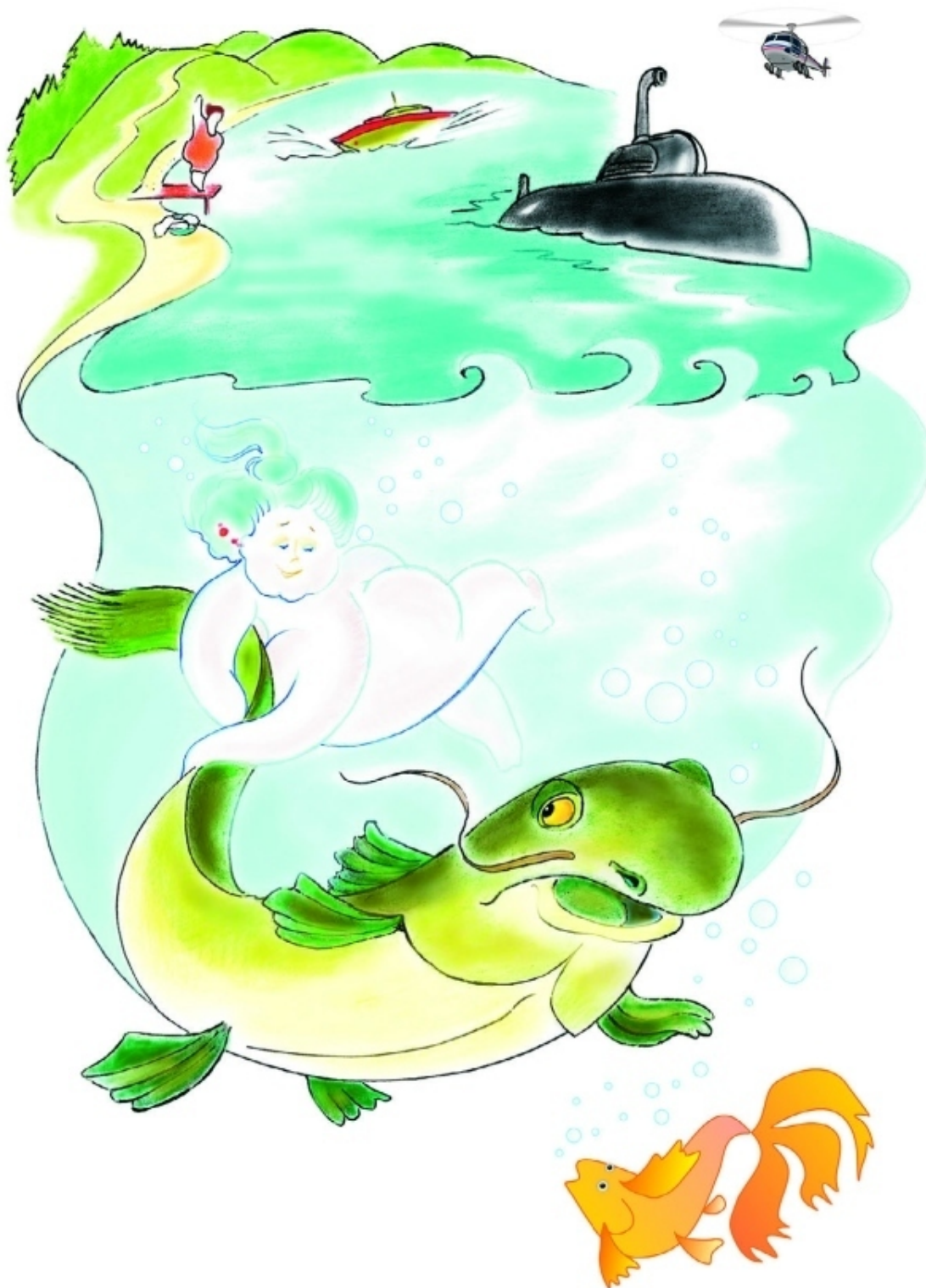
А Анита очень Ядогрибово любила. И бабу Фиму тоже. А что ей бабу Фиму не любить, раз она ее родная внучка? И озерцо Анита любит. Когда Анита в озерцо вступает, у кого дома ближе чем на километр, тем вода первые этажи заливают. Теперь привыкли люди, ждут приезда Аниты и бассейны таким образом наполняют. У них у всех бассейны стали.

И уж очень любят баба Фима и Анита наперегонки с военным катером плавать. Ну, Анита-то бабу Фиму не догоняла, отставала маленько. А баба Фима катер нагонит, вокруг него поплаывает, перевернет, бывало, и дальше плывет, каким хочет стилем. Тут Анита попевала, людей из воды доставала и на берег доставляла. Это был бизнес у них семейный – «экстрим порусски и ягоды по-ядогрибовски» назывался. Большим спросом летом пользовался. У них еще и эмблема есть: баба Фима анфас и в профиль в стиле ню. Многие пугаются, иные сознание теряют. Но запоминают все. Анита тоже на эмблему просилась, но баба Фима ей не разрешила, молодая, говорит, ты еще, горячая.

А что ж бабе Фиме не плавать быстро? В молодости она ледоколом подрабатывала. Ледокол в доки, она руки в боки и на работу. Такие льды ломала. Вечные. Анита в нее пошла, но пока послабже будет. Но порезвиться в водиче, в озерце понежиться тоже любит. А что ж не

любить? Вода у нас в ягогрибовском озере прозрачная, дна не видать. К нам даже подлодки заплывают.

Плывет раз Анита, смотрит – торчит из воды смешная трубочка. Анита ее рукой схватила, тянула, тянула, насили вытянула. А уж когда вытянула, поняла, что это подлодка, большая и новенькая. Лизуня из 21-й квартиры тоже видела. Они вместе плавали, подруги ведь. Моряки, говорит, и матросы наверх вылезли. На Аниту молча глядят, как она в озере полощется. Тихо так и красиво вокруг. Леса, поля, озеро и лодочка. Картина Ремарка, да и только.

«Пардоньте, мадам»

Баба Фима рыла колодец. А почему не рыть, если душа просит. Осерчала она на деда Савелия, мужа своего, и начала колодец рыть. Она всегда, когда на деда Савелия серчала, то колодцы рыла, ну, а когда гневалась, то погребка выкапывала. И рыла его, колодец, часов восемь. И рыла хорошо и энергично, только не вглубь, а вдаль. Перспектива ей нравилась.

Очень бабу Фиму за ее энергичность и перспективу военные любили. То блиндаж у них новый выходит, а то и вовсе партизанское подполье. Просят только: «Баба Фима, уж не так быстро, танки в ямы проваливаются». Но баба Фима хоть и не шутница была, как ее внучка Анита, иногда и она могла шутку зашутить. Очень ей нравилось у военных ядерные установки под землю опускать. Выроет, бывало, ямку, в нее ракеты с боеголовками опустит, аккуратно землицей, метра так на четыре, присыплет и идет себе домой, веточкой обмахивается. Очень она сирень любила. Но могла иной раз и кедриком обмахнуться. В войсках ЧП, орудия исчезли, виноватых нет. Шум, гам, генералы.

Ну, понятно, к кому столоваться? К бабе Фиме. У нее же столовая была. Очень ее столовую народ любил. Красиво, чисто, вкусно. И порции большие. Ну, и генералов баба Фима уважала очень. А они ее-то как. Словами не сказать. Все приглашали на блиндаж полюбоваться да вдоль озера пройтись. И возвращались они часов через пять, красные да довольные. Ну, и баба Фима, понятно, с веточкой иногда сирени. Гостеприимная она и хлебосольная.

А еще любили мы с бабой Фимой нотами соревноваться. У меня голос ничего, в одном морге пою, в другом (километров за 15) подгадывают, когда прощание заказывать. Нечестные люди. А баба Фима наследственность к пению имеет. Ей когда банки с помидорами открывать лень, она «фа» берет, крышки влет отскакивают. Ну, а если «си» затянет, может грозу оста-

новить. «До» не любила. От «до» вся живность дохла, включая полезную. А кто выживал – заикался и при ходьбе распластывался. Мы с ней вообще октавы на метры мерили.

Раз сижу, отдыхаю, бисером плету, вдруг – бац, стекла вылетают. Значит, «си» было. Я в ответ. Сарай упал. Чувствую, изба шатается. Ну, и пошло, поехало, зазвучало. И на душе так благодно, так спокойно стало. Народ деревенский и дачники подпевают, приплясывают. Мне лично не нравится, невпопад подпевают. И слова неуклюжие: караул, спасайтесь. Нет в людях эстетики. Нет чутья.

А тут и Анита с Лизуней из 21 квартиры с озерца возвращаются, полотенца через плечи повесили, волосы мокрые распустили и домой топают, чтобы стихи Гюго почитать. И видят, как мы с бабой Фимой нотами соревнуемся и как всем хорошо от этого.

«Что ж у вас нечистоplotно так?» – спрашивают.

Осмотрелась баба Фима и говорит: «Прибраться надо». Ну, надо, так надо. Нас четверо, Жорка прибег, дядя Вася Рябой (он по быку под мышку брал и наперегонки с зайцами бегал), дед Савелий (ему сосну двумя руками переломить что плюнуть), оставшиеся генералы, ну, и по мелочи. За два часа управились, прибрали все. Избы новые построили, все из бревен больше, сараи восстановили, живность изловили, деревья посадили, бани затопили, печи сложили. И пошли чай с травами пить и о высоком думать. Потом по НТВ передача была про необыкновенный поселок, жители которого имеют удивительное хобби. Раз в неделю всю деревню сносят и опять возводят. Ну, это уж, как говорил один генерал бабе Фиме: «Пардоньте, мадам», когда пятую порцию ее щей заказывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.